

ЯРОСЛАВ СЕВЕРЦЕВ

ПЕРВОКУРСНИК ПЕРВОГО МЕДА

СИМФНИЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО

ПРС КНИГА 1

18+

Ярослав Северцев

**Первокурсник Первого Меда.
Симфония Вознесенского**

«Автор»

2026

Северцев Я.

Первокурсник Первого Меда. Симфония Вознесенского /
Я. Северцев — «Автор», 2026

Триста баллов ЕГЭ, застиранный рюкзак и безденежье — именно с таким багажом Артем Вознесенский приезжает поступать в Первый мед Санкт-Петербурга. Для детей медицинских династий он никто. Деревенский стобалльник без денег, связей и громкой фамилии, которого отсеет первая же сессия. Вот только они ошибаются. Артем слышит человеческое тело. Из-за редкой синестезии стук сердца, движение крови, поврежденные ткани и скрытые патологии складываются для него в сложную звуковую картину. Там, где остальные видят обычного человека, Артем слышит болезнь. И уже в первый день ему приходится выбирать: промолчать, как положено абитуриенту, или публично бросить вызов тем, кто старше и опытнее, — и попытаться спасти женщину, пока ошибочный диагноз не стал для нее смертным приговором. Но главная опасность не в том, что Артему не поверят. А в том, что однажды ему поверят слишком многие. Потому что способность провинциального первокурсника может изменить не только медицину. Она может изменить будущее.

© Северцев Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
От автора	6
Первокурсник Первого Меда. Симфония Вознесенского. ЛВС. Книга 1	7
Глава 1. Шум приемной комиссии	8
Глава 2: Стобалльник без связей	13
Глава 3: Первая лекция и запах формалина	17
Глава 4: Общежитный быт и первая ловушка	21
Глава 5: Ночной вызов на Витебском	25
Глава 6: Латынь — язык мертвых	28
Глава 7: Синдром разбитого зеркала	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ярослав Северцев

Первокурсник Первого Меда.

Симфония Вознесенского

Аннотация

Триста баллов ЕГЭ, застиранный рюкзак и безденежье — именно с таким багажом Артем Вознесенский приезжает поступать в Первый мед Санкт-Петербурга.

Для детей медицинских династий он никто. Деревенский стобалльник без денег, связей и громкой фамилии, которого отсеет первая же сессия.

Вот только они ошибаются.

Артем слышит человеческое тело.

Из-за редкой синестезии стук сердца, движение крови, поврежденные ткани и скрытые патологии складываются для него в сложную звуковую картину. Там, где остальные видят обычного человека, Артем слышит болезнь.

И уже в первый день ему приходится выбирать: промолчать, как положено абитуриенту, или публично бросить вызов тем, кто старше и опытнее, — и попытаться спасти женщину, пока ошибочный диагноз не стал для нее смертным приговором.

Но главная опасность не в том, что Артему не поверят.

А в том, что однажды ему поверят слишком многие.

Потому что способность провинциального первокурсника слышать человеческое тело может изменить не только медицину.

Она может изменить будущее.

От автора

Дорогие читатели! Рад приветствовать вас в своей новой серии.

Это история о становлении гениального врача, силе разума и бескомпромиссной борьбе за человеческие жизни. Профессиональный медицинский сеттинг, ледящий душу Питер и... первая масштабная нить, связывающая этот мир с моей флагманской серией «Первокурсник из будущего». Имя ГГ а также некоторые действующие лица этой серии не просто так повторяются или изменены, это раскроется в дальнейшем повествовании!

Рождение Вселенной Северцева начинается здесь!

Приятного чтения! Не забывайте ставить лайки и добавлять книгу в библиотеку!

**Первокурсник Первого Меда.
Симфония Вознесенского. ЛВС. Книга 1**

Глава 1. Шум приемной комиссии

Поезд «Демидовский экспресс» прибыл на Ладужский вокзал Санкт-Петербурга в половине шестого утра, когда над путями еще висел плотный, сырой туман, пахнувший мазутом, влажным гранитом и речной прохладой. Артем Вознесенский сошел на перрон, поправив на плече лямку старого, выдавшего виды рюкзака, в котором лежала пластиковая папка со стопкой документов: аттестат с отличием, целевое направление, которое ему с боем подписали в районной больнице, и распечатка результатов ЕГЭ.

Триста баллов.

Абсолютный максимум, в который в его родном городке под Костромой сначала просто не поверили.

Артем остановился у края платформы, зажмурился и сделал глубокий вдох. Питер встретил его не только сыростью, но и оглушительным, многослойным гулом. Для обычного человека вокзал шумел грохотом колес, объявлениями по громкой связи и шипением тормозов. Но в голове Артема этот хаос мгновенно разложился на десятки четких, структурированных частот.

Его акустико-анатомическая синестезия — дар или проклятие, с которым он жил с раннего детства, — сейчас работала на пределе. Он не просто слышал звуки, он видел их форму, плотность и происхождение. Низкочастотный рокот вокзальных трансформаторов отзывался в сознании густой фиолетовой пульсацией, а шаги сотен людей по бетонным плитам складывались в сложную сухую дробь, напоминающую шуршание сухожилий при сильном натяжении.

Когда Артем вышел на станции «Петроградская» и пошел в сторону улицы Льва Толстого, туман начал рассеиваться, обнажая монументальные, строгие корпуса Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика Павлова.

Красный кирпич, старые деревья, тяжелые фасады — университет выглядел как цитадель старой, дореволюционной науки. Здесь пахло историей, жесткой дисциплиной и медициной высшей пробы.

Возле административного корпуса, где располагалась приемная комиссия, с раннего утра толпились абитуриенты. Юноши в отутюженных рубашках, девушки с дорогими сумками. Судя по разговорам, многие были детьми врачей. Они держались уверенно, громко обсуждали профессоров, кафедры и то, в какую клинику их «пристроят» после ординатуры. На Артема в недорогих кроссовках и простой футболке посматривали с едва прикрытым снобизмом.

— Послушай, Кирилл, отец сказал, что на лечебном факультете в этом году конкурс почти сорок человек на место, — донесся до Артема звонкий девичий голос.

Артем повернул голову.

Чуть в стороне от входа стояла группа молодых людей. Центром компании был высокий холеный парень с идеально уложенными волосами и часами, которые стоили больше, чем годовой бюджет семьи Вознесенских.

— Брось, Алина, — небрежно отозвался тот, кого сероглазая девушка с копной темно-каштановых волос назвала Кириллом, — конкурс существует для тех, кто приехал сюда из регионов в надежде на чудо и у кого баллы натянуты провинциальными учителями. Проходной барьер отсеет всю эту шелуху. Главное — попасть сюда. А потом еще доказать, что ты чего-то стоишь. Чужаков здесь не любят.

— Но ведь есть стобалльники. А если у человека все три экзамена по сто?

— Стобалльник из деревни? — Кирилл снисходительно усмехнулся. — Такие ломаются на первой же сессии. Изучать анатомию — это тебе не тесты на компьютере кликать.

Артем прошел мимо, не задерживая взгляда. Его «сонар» невольно сфокусировался на Кирилле.

Внутренний слух уловил ритм сердца: синусовая тахикардия — чуть больше ста ударов в минуту, с характерным коротким щелчком в середине систолы.

«Небольшой пролапс митрального клапана. Слишком много энергетиков», — машинально отметил про себя Артем. Синестезия перевела ритмический рисунок в визуальный образ — тонкая вибрирующая струна с едва заметным надрывом.

Внутри корпуса приемной комиссии царил настоящий ад. Духота, эхо под высокими сводчатыми потолками, бесконечные очереди к столам факультетов. Артем покорно встал в очередь на лечебное дело.

Время тянулось медленно, воздух становился все более спертым. Окружающий шум постепенно сливался для него в тяжелый монотонный гул, от которого внутри черепа поднималась знакомая мигренозная пульсация.

И вдруг этот гул прорезал совершенно иной, чужеродный звук. Тихий, глубокий вибрирующий всплеск, похожий на треск толстого льда под водой.

Он шел справа, из глубины коридора, где стояли диванчики для отдыха.

Артем резко повернул голову. Взгляд скользнул по толпе и остановился на женщине лет сорока пяти в строгом сером костюме — судя по всему, одной из сотрудниц приёмной комиссии. Она сидела, прислонившись спиной к спинке дивана, и медленно обмахивалась папкой с бумагами.

Окружающие не обращали на нее внимания, решив, что женщине просто стало душно.

Но «сонар» Артема буквально кричал.

Звук, исходивший из ее тела, был страшным. В верхней части грудины, отдавая к левой подключичной области, нарастал свистящий, рвущийся шум. Кровь под огромным давлением входила между слоями стенки аорты, раздвигая их все дальше и дальше.

«Расслоение восходящей аорты... с переходом на дугу. Прямо сейчас». Если расслоение прорвет наружную стенку сосуда, счет пойдет уже на минуты.

Женщина побледнела. Рука её судорожно прижалась к груди, губы начали синеть. Она попыталась вдохнуть, но издала лишь слабый всхлип.

— Помогите... — едва слышно прошептала она, заваливаясь на бок.

Толпа отшатнулась, образовав вокруг нее пустой круг. Студентки испуганно закричали, несколько человек одновременно потянулись за телефонами, но подойти и помочь женщине никто не решался.

— Не трогайте ее! Отойдите! — раздался громкий голос.

К бессознательной женщине подскочили парень с девушкой. Кирилл и Алина, вспомнил Артем. Похоже, Кирилл решил взять все в свои руки.

— Мой отец — профессор Токарев, я знаю, что делать. У нее сердечный приступ! Инфаркт! Нужен нитроглицерин. У кого есть таблетки?

Он потянулся к женщине, пытаясь приподнять ее и усадить.

Тело рванулось вперед раньше, чем Артём успел подумать.

— Назад! Не смей ее трогать!

Артем буквально протаранил толпу и отбросил руку Кирилла в сторону с такой силой, что тот едва не потерял равновесие.

— Ты что творишь, придурок?! — взвился Кирилл, багровея от ярости. — Она умирает! У нее инфаркт!

— А если это не инфаркт? — жестко отрезал Артем. — Не сажай ее и ничего ей не давай, пока врач не проверит давление и пульс на обеих руках.

В отличие от Кирилла, его голос звучал спокойно и уверенно, и вокруг сразу стало тише.

— У нее острое расслоение восходящей аорты. Возможно, уже с переходом на дугу. Любое резкое движение и новый скачок давления могут ускорить разрыв.

— Да откуда тебе знать?! Ты вообще кто такой? — возмутился Кирилл.

Алина, стоявшая рядом, внимательно посмотрела на Артема.

В его лице не было ни растерянности, ни паники. Он смотрел на лежавшую на боку женщину спокойно и сосредоточенно, будто точно знал, что с ней происходит.

Артем не стал тратить время на спор с Кириллом. Свист в голове усиливался, переходя в тонкий, почти ультразвуковой писк. Стенка сосуда держалась буквально на последнем наружном слое.

— Алина, зови дежурную бригаду, — скомандовал он, повернувшись к девушке. — Скажи: подозрение на острое расслоение аорты. Нужны врач, монитор и каталка. Срочно!

Алина замерла.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Потом, Алина! Беги!

Она больше не спорила и бросилась по коридору.

Артем опустился на колени у дивана, где лежала женщина. Та вдруг открыла глаза.

— Не вставайте. И не двигайтесь, — тихо сказал он. — Помощь скоро будет. Дышите спокойно. Медленный вдох... теперь выдох.

Одной рукой Артем удерживал её за плечо, не давая подняться, другой нащупал пульс на правом запястье. Пульс был частым, слабым. На левой руке — почти не определялся.

В голове Артема продолжал звучать страшный свист расслоения.

Он ничего не мог сделать с разрывающейся аортой здесь, на диванчике приемной комиссии. Только не дать женщине вскочить, не позволить панике еще сильнее разогнать сердце — и надеяться, что она доживет до операционной.

Через несколько минут в коридор ворвалась дежурная медицинская бригада университетской клиники во главе с врачом-реаниматологом. Следом за ними прибежал седовласый мужчина в белом халате. На бейджике Артем успел заметить слово «профессор».

Вместе с бригадой вернулась и Алина.

«Быстро она», — отметил про себя Артем.

Девушка остановилась чуть в стороне, пытаясь отдышаться. Ее сердце билось часто после забега по коридору. Артем прислушался. Никакой патологии — обычная тахикардия на фоне выброса адреналина.

— Что здесь происходит? — громко спросил профессор, пробиваясь сквозь толпу.

— Профессор, этот сумасшедший не дает оказать женщине помощь! — тут же выпалил Кирилл, указывая на Артема. — Он несет что-то про расслоение аорты. У нее инфаркт! Я хотел дать нитроглицерин, а он...

Реаниматолог уже опустился рядом с женщиной, раскрывая укладку.

Артем поднял на него взгляд:

— Проверьте пульс на обеих руках. На левой лучевой почти нет, на правой — частый и нитевидный. И послушайте аорту. Похоже на расслоение восходящего отдела с переходом на дугу.

Врач бросил на него короткий удивленный взгляд, но спорить не стал. Быстро проверил пульс сначала на одном запястье, потом на другом, измерил давление и приложил фонендоскоп к груди женщины.

— Асимметрия пульса выраженная... — тихо произнес он и снова прислушался. — И диастолический шум. Черт.

Профессор мгновенно оказался рядом.

— Что?

— Очень похоже на острый аортальный синдром. Возможно, тип А.

Профессор посмотрел на женщину, затем на Артема.

— Как ты это понял? Ты кто вообще такой? Студент?

— Абитуриент, — коротко ответил Артем, вслушиваясь.

Свист стал резче.

— Но сейчас это неважно. Ей хуже.

Профессор повернулся к бригаде. Врач-реаниматолог уже отдавал короткие команды:

— На каталку. Максимально аккуратно. Два венозных доступа. Кардиохирургов предупредить немедленно. КТ-ангиографию готовить. ЧСС и давление — под контроль. Никаких резких движений. Быстро!

Женщину осторожно переложили на каталку и повезли в сторону клинического корпуса.

В коридоре воцарилась звенящая тишина.

Все взгляды были устремлены на Артема, который медленно поднялся с колен. Его руки слегка дрожали от колоссального синестетического напряжения, но лицо оставалось непроницаемым.

Чуть поодаль стоял Кирилл Токарев, сжав кулаки. Лицо его потемнело от ярости.

Профессор, уже уходя вслед за каталкой, вдруг обернулся:

— Как твоя фамилия, молодой человек?

— Вознесенский. Артем Вознесенский.

Профессор несколько секунд смотрел на него.

— Что ж, Артем... Если диагноз подтвердится, значит, интуиция у тебя действительно редкая. Но одной интуиции в медицине мало. Тебе еще учиться и учиться. Если поступишь.

Он развернулся и поспешил вслед за бригадой.

Алина подошла к Артему.

Сейчас, когда ей уже не нужно было никуда бежать, сердце ее почему-то не спешило успокаиваться. Артем нахмурился, прислушиваясь к частому, звонкому ритму, а потом облегченно выдохнул. Ничего опасного. Должно быть, просто волнение. Только вот из-за чего?

— Ты правда понял, что у нее с аортой, еще до того, как врач ее осмотрел? — спросила Алина.

— Да.

— Но как?

Артем пожал плечами.

— Услышал.

Алина несколько секунд молча смотрела на него.

— Услышал? — наконец переспросила она. — Расслоение аорты?

— Примерно так.

— Без фонендоскопа?

— Без.

Только сейчас Артём заметил, что её светлые глаза отливают серебром. Необычный оттенок — холодный и одновременно притягательный. В них мелькнуло недоверие, почти сразу сменившееся растерянностью.

— Так не бывает.

— Я знаю, — спокойно ответил Артем.

Ее пульс тут же ускорился еще сильнее. Но ритм оставался чистым и ровным. В сознании Артема он напоминал звон хрустального колокольчика — прозрачный, без единой фальшивой ноты.

— Извини, мне пора возвращаться в очередь, — тихо сказал он.

— Алина, пошли. — Кирилл возник рядом и раздраженно взял ее за локоть.

— Подожди, — она высвободила руку, но Кирилл смотрел не на нее, а на Артема.

Он шагнул ближе и процедил так тихо, чтобы слышал только Артем:

— Ты прыгнул выше головы, деревня. Даже если поступишь, первого семестра здесь не закончишь. Запомни мои слова.

Артем даже не повернулся.

— Пошли, — бросил Кирилл и на этот раз почти силой увел Алину за собой.

Через несколько шагов она все же оглянулась, но Артем уже смотрел в другую сторону.

Монотонный шум огромного здания снова заполнял его сознание: голоса, шаги, хлопанье дверей, гул вентиляции.

И среди всего этого хаоса он почему-то еще долго различал один тонкий, чистый звук.

Частое и звонкое биение сердца Алины.

Глава 2: Стобалльник без связей

Приемная кампания в Первом меде напоминала отлаженный, но бездушный конвейер. После инцидента в холле имя Артема Вознесенского эхом разнеслось по коридорам административного корпуса. И это было совсем не к добру. В престижных медицинских вузах не любили выскочек, особенно тех, у кого еще и студенческого билета не было, но они уже позволяли себе публично раздавать диагнозы.

Формально Артема вызвали на дополнительную верификацию документов. Зачем абитуриенту с максимальными баллами понадобилось еще и отдельное собеседование, никто не объяснил.

Все проходило на третьем этаже главного здания. Воздух здесь был пропитан запахом старого дерева, дорогого паркета и едва уловимым ароматом хлорамина и лекарственных трав.

Артем сидел на жестком деревянном стуле в длинном коридоре, ожидая, пока на табло загорится его электронный номер. Мимо него то и дело проходили члены приемной комиссии в накрахмаленных белых халатах, накинутых поверх строгих костюмов. Каждый раз, когда дверь кабинета №304 открывалась, его акустико-анатомический «сонар» улавливал характерные звуки изнутри: сухой, скрипучий голос пожилого профессора, шелест страниц личных дел и прерывистый, панический ритм сердцебиения выходящих абитуриентов. Синестезия переводила эти звуки в серые, колючие образы — словно кто-то проводил наждачной бумагой по сухому холсту.

Наконец над дверью вспыхнул его номер. Артем поднялся и вошел.

Кабинет был просторным, с высокими потолками и массивными шкафами, забитыми старинными медицинскими томами и монографиями. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидели три человека.

В центре восседал грузный мужчина лет пятидесяти с тяжелым подбородком, идеально зачесанными назад седеющими волосами и пронзительным, холодным взглядом за стеклами золотых очков. На табличке перед ним значилось: «Владимир Андреевич Токарев, декан лечебного факультета».

Токарев.

Артем сразу вспомнил Кирилла.

«Мой отец — профессор Токарев».

Перед двумя другими членами комиссии тоже стояли таблички с именами и должностями.

По левую руку от декана сидела сухопарая женщина с острым взглядом — профессор кафедры иностранных языков и медицинской терминологии Элеонора Марковна Гросс. По правую — относительно молодой доцент курса нормальной анатомии Савельев.

— Артем Игоревич Вознесенский, верно? — голос декана Токарева прозвучал низко, с выраженным баритональным давлением, от которого хотелось невольно втянуть голову в плечи. Его «звуковой след» в сознании Артема отразился как тяжелый, глухой удар чугунного колокола — властный и давящий.

— Да, — спокойно ответил Артем, присаживаясь на указанный стул напротив комиссии.

Токарев-старший медленно, с нарочитой неторопливостью перелистнул страницы личного дела Артема.

— Из Костромской области. Галич. Мать — школьная учительница. Отец работал на заводе, несколько лет назад погиб на производстве. Есть целевое направление от районной больницы... И триста баллов на ЕГЭ. Химия, биология, русский — везде максимум.

Профессор поднял глаза и скептически посмотрел на Артёма.

— Знаете, Артём Игоревич, за тридцать лет работы в высшей школе я перестал верить подобным рекордам. Школьника можно прекрасно натаскать на экзамен, особенно когда его результат становится гордостью всего района. Но Первый мед — не сельская школа. Здесь ваши триста баллов ничего не значат, если за ними нет фундаментальных знаний.

Слова задели, но Артём лишь выпрямился. И тут «сонар» уловил перемену: пульс Токарева ускорился, дыхание стало чаще и поверхностнее. Декан смотрел на него с ледяным спокойствием, однако тело выдавало напряжение.

Артём вспомнил утреннюю стычку с Кириллом. Неужели сын уже успел пожаловаться?

— Более того, — продолжил декан, оперевшись локтями о стол. — Мне уже доложили о вашем утреннем... перформансе в холле. Вы устроили цирк, нарушили субординацию, едва не сорвали работу приемной комиссии и позволили себе ставить диагнозы, не имея даже диплома фельдшера. Это вопиющее нарушение медицинской этики и деонтологии на этапе подачи документов. Мы ценим уверенность, но опасного самоуправства здесь не потерпят. Поэтому я намерен поставить перед комиссией вопрос о том, чтобы...

— Женщина жива? — перебил его Артем, глядя прямо в глаза профессору.

За столом воцарилась секундная тишина.

Доцент Савельев удивленно вскинул брови. Элеонора Марковна Гросс чуть заметно улыбнулась уголками тонких губ.

Токарев поджал губы. Несколько секунд он молчал, словно даже это признание давалось ему с трудом.

— Колесникову прооперировали. Повреждённый участок восходящей аорты заменили синтетическим сосудистым протезом. Состояние тяжёлое, но стабильное. Однако не обольщайтесь, Вознесенский. Это заслуга дежурной бригады кардиохирургов клиники Павлова. Вам всего лишь повезло угадать. Один раз. А в медицине на везении далеко не уедешь.

— Что ж, Владимир Андреевич, гадать, случайность это или знание, мы можем долго, — вмешалась Элеонора Марковна. Её сухой, надтреснутый голос напомнил Артёму шелест старого пергамента. — Раз уж молодой человек демонстрирует столь глубокие знания, посмотрим, насколько хорошо он владеет медицинской латынью. Без неё в этих стенах делать нечего. Вознесенский, продолжите фразу: *In via est in medicina via sine...*

— ...lingua Latina, — без секунды колебания ответил Артем. — Непроходим путь в медицине без латинского языка.

— Хорошо, — кивнула Гросс, прищурившись. — А как вы переведете клинический термин «*insufficiencia valvae aortae acuta*»?

— Острая недостаточность аортального клапана.

— Почему *valvae aortae*?

— Родительный падеж. Недостаточность чего? Аортального клапана.

— Допустим, — Элеонора Марковна повернулась к Савельеву. — Анатолий Сергеевич, ваш черед. Похоже, перед нами не просто везунчик.

Доцент Савельев пододвинул к себе лежащий на краю стола пластиковый планшет с анатомическими схемами. На одной из них была изображена передняя область шеи — топографическая анатомия, которую студенты начинают детально изучать уже в университете.

— Что ж, Артем. Посмотрим на вашу хваленую память. Назовите мне анатомические образования, которые формируют так называемый сонный треугольник, и укажите, что находится в его проекции.

Токарев-старший откинулся на спинку кресла, явно ожидая, что школьник из Галича сейчас поплывет. На топографической анатомии шеи спотыкались даже сильные студенты, а перед комиссией стоял вчерашний школьник.

Артём скользнул взглядом по схеме и перевёл его на шею Савельева. «Сонар» уловил ровную пульсацию крупных сосудов, а память наложила на живую картину схему из старого атласа Синельникова, найденного в библиотеке районной больницы.

— Сонный треугольник, или *trigonum caroticum*, — четко, без тени сомнения начал Артем, — ограничен тремя структурами: сзади и латерально — передним краем грудино-ключично-сосцевидной мышцы, *musculus sternocleidomastoideus*, сверху — задним брюшком двубрюшной мышцы, *musculus digastricus*, и снизу — верхним брюшком лопаточно-подъязычной мышцы, *musculus omohyoideus*. В пределах этого треугольника проходит основной сосудисто-нервный пучок шеи. Он включает в себя общую сонную артерию, *arteria carotis communis*, которая на уровне верхнего края щитовидного хряща обычно делится на наружную и внутреннюю сонные артерии. Также там залегает внутренняя яремная вена, *vena jugularis interna*, и блуждающий нерв, *nervus vagus*, расположенный между ними несколько кзади.

В кабинете повисла тишина.

Савельев посмотрел на Артёма внимательнее, словно только сейчас по-настоящему его рассмотрел. Вознесенский назвал не просто мышцы, он указал топические взаимоотношения сосудов и нервов с почти хирургической точностью.

— Вы занимались в анатомическом кружке? — тихо спросил Савельев.

— Нет. Я просто читал атлас Синельникова. Все четыре тома. И руководство Шевкуненко по топографической анатомии.

— Схемы из учебника — это одно, Вознесенский, — холодно прокомментировал Токарев. — Но медицина — это не только зазубренные латинские названия. Это колоссальное психоэмоциональное давление. Вы утверждаете, что готовы к нему?

Артём услышал, как пульс декана вдруг зачастил: Токарев явно воспринимал его как личную проблему. Хотя Кирилл он, по сути, ничем не обидел. Ну разве что не дал тому покрасоваться перед Алиной, абитуриентами и приемной комиссией. А заодно — угробить женщину, которую тот рвался спасти.

Декан снова заглянул в личное дело.

— Вы представляете, сколько стоит проживание в Санкт-Петербурге? Учебники, форма, транспорт, доступ к профессиональной литературе и учебным платформам? На одну стипендию вы здесь не выживете. Вы начнете подрабатывать, завалите первую же сессию и вылетите. Зачем нам отдавать место человеку, который не сможет завершить обучение по социально-экономическим причинам? Петербург вам явно не по средствам. Заберите документы и поступайте ближе к дому. В Ярославль, например. А потом вернетесь в Галич участковым терапевтом.

Это был прямой, неприкрытый удар под дых. Токарев бил по самому больному. Артем поднял голову и посмотрел декану прямо в глаза. Тот давил на него намеренно.

И правила вежливой игры здесь больше не работали.

— Мой социальный статус, Владимир Андреевич, не влияет на проводимость моих синапсов и объем оперативной памяти, — холодно, без единой эмоции ответил Артем. — Я умею работать. А что касается поступления, правила приема достаточно четко определяют основания для участия в конкурсе. Мои результаты ЕГЭ подтверждены в федеральной системе. Документы на целевое обучение приняты. Если комиссия обнаружила в них нарушение, назовите его.

Токарев прищурился.

— А если нарушения нет, но мне откажут на основании финансового положения моей семьи, — продолжил Артем, — я попрошу оформить этот отказ письменно со ссылкой на конкретный пункт правил приема. После чего обжалую его в Министерстве здравоохранения и Рособназдоре.

Савельев откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и с едва заметной усмешкой следил за перепалкой. Элеонора Марковна лишь качала головой. Мальчишка из провинции не просто защищался — он пошел в контратаку, грамотно и абсолютно хладнокровно прижав декана к стене.

Токарев-старший медленно снял очки.

— Вы угрожаете мне, Вознесенский?

— Нет. Объясняю, что буду делать в случае незаконного отказа.

В кабинете стало совсем тихо.

На лице Токарева ничего не изменилось, но сердце пропустило удар и тут же ускорилося. Скандал с Росособнадзором перед началом учебного года ему был явно не нужен.

— Что ж, — процедил декан, ставя размашистую подпись в листе проверки документов Артема. — Формальных оснований для отказа нет. Ваши документы приняты, Вознесенский.

Он захлопнул папку.

— Но не обольщайтесь. Поступить сюда трудно. Удержаться — ещё труднее. Первый мед перемолол и выплюнул не одного такого «гения». На первых же коллоквиумах по анатомии и гистологии посмотрим, чего вы стоите без своих трёхсот баллов. Свободны.

Артем встал, вежливо кивнул комиссии и вышел из кабинета. Когда за ним закрылась тяжелая дубовая дверь, он сделал глубокий вдох.

Коридор третьего этажа встретил его полумраком. Напротив окна, облокотившись на подоконник, стояла Алина.

Она явно ждала его.

— Ну как? — спросила она, внимательно вглядываясь в его лицо. — Я видела, как Токарев-старший шел в кабинет. Он был сам не свой. Он точит на тебя зуб после того, как ты унизил Кирилла.

— Документы приняли. В конкурсе остаюсь, — коротко ответил Артем, почувствовав, как волна усталости начинает накатывать на него после напряжения последних часов.

Алина облегченно улыбнулась, и ее чистый, хрустальный ритм сердца снова зазвучал в сознании Артема, принося странное, непривычное успокоение.

Его «сонар» рядом с ней почему-то переставал разрывать мозг сложными шумами, трансформируя окружающую какофонию в мягкий, почти гармоничный фон.

— Поздравляю, Артем Вознесенский, — Алина протянула ему руку. — С тремьями баллами можешь считать, что уже принят.

— Приказа о зачислении еще нет.

Алина закатила глаза.

— Невыносимый человек.

Артем пожал ее тонкие, прохладные пальцы.

— Кстати, Кирилл уже вовсю трезвонит в чате поступающих, что устроит тебе «веселую» жизнь, если попадешь на курс, — продолжила она. — Будь осторожен. Они с отцом здесь имеют огромное влияние.

Артем посмотрел на закрытую дверь кабинета №304.

Он понял, что его учеба в Питере будет не просто освоением медицинской науки.

Здесь каждый зачетный балл придется брать с боем.

Глава 3: Первая лекция и запах формалина

Первое сентября в Санкт-Петербурге выдалось классическим: свинцовое небо, цепляющееся за шпили Петроградской стороны, и мелкая морось, которая не падала, а словно висела в воздухе, мгновенно пропитывая сыростью одежду. Артем Вознесенский стоял у входа в анатомический корпус ПСПбГМУ. На нём был новенький белый халат и простая медицинская шапочка. И то и другое Артём купил на последние деньги в магазине медодежды у «Петроградской».

Анатомический корпус Первого меда казался мрачной громадой из красного кирпича, в которой время остановилось сто лет назад. Едва переступив порог, Артем почувствовал, как его рецепторы атаковал тяжелый, сладковато-химический запах.

Формальдегид.

Этот запах въедался в стены, в одежду, в саму кожу преподавателей. Для большинства первокурсников, толпившихся в вестибюле, он стал шоком. Артем слышал, как вокруг перешептывались, давились кашлем и судорожно искали в карманах мятные конфеты.

Для его акустико-анатомического «эхолота» сам корпус тоже имел свое, уникальное звучание. Гул вентиляции, шаги по твердому полу, звон металла и голоса под высокими потолками складывались в высокий, режущий фон. Едкий запах формалина лишь усиливал странное ощущение, будто окружающее пространство стало плотнее и жестче.

— Эй, стобалльник, не тошнит еще? — раздался за спиной язвительный голос.

Артем обернулся. Кирилл Токарев стоял в окружении троих рослых парней со стоматологического и педиатрического факультетов. Халат Кирилла был из дорогой, плотной японской ткани, идеально сидел по фигуре, а на ногах красовались кожаные ортопедические сабо известного бренда.

— Смотри не рухни в обморок на первой же паре, — усмехнулся Кирилл, проходя мимо и нарочно задевая Артёма плечом. — Это тебе не атлас листать в сельской библиотеке. В анатомичке трупы настоящие.

Артем даже не ответил.

Его внимание переключилось на Алину, которая как раз подходила к гардеробу. Она выглядела бледной, но собранной. Ее сердце выстукивало быструю, тревожную дробь.

— Привет, — тихо сказала она, подходя к Артему. — Чувствуешь этот запах? Нам сказали, что сегодня будет первая лекция в Большой анатомической аудитории, а потом сразу вводное практическое занятие и демонстрация трупного материала. У меня полгруппы девочек уже валидол пьют.

— Скоро запах перестанет так резать нос, — ответил Артём. — Обоняние адаптируется. Главное, не делай глубоких вдохов. Дыши ровно.

Алина улыбнулась.

Ее сердечный ритм почти сразу стал чуть медленнее и ровнее.

Большая анатомическая аудитория напоминала амфитеатр. Крутые деревянные ступени уходили высоко вверх, а в самом низу, на «арене», стоял массивный металлический стол. Лекцию читал легендарный профессор Кольцов — суровый старик с абсолютно белой шевелюрой и голосом, который без всяких микрофонов гремел под сводами зала.

— Медицина, господа первокурсники, начинается здесь, — Кольцов положил сухую руку на деревянную кафедру. — Вы пришли сюда, чтобы изучить самую совершенную и самую хрупкую машину во Вселенной — человеческое тело. И помните: *Nic locus est, ubi mors gaudet succurrere vitae*. Здесь место, где смерть рада помочь жизни. Кто не готов смотреть смерти в лицо — пишите заявление об отчислении прямо сейчас.

После лекции группы потоком направились в практикумы — небольшие комнаты с кафельным полом, металлическими раковинами, вытяжными шкафами и массивными столами, накрытыми плотной клеенкой.

Преподавателем группы Артема оказался доцент Савельев — тот самый, что присутствовал на его собеседовании.

— Итак, коллеги, — Савельев обвел взглядом притихших студентов. — Сегодня у нас вводное занятие. К остеологии мы еще вернемся, но сначала вы должны понять, с чем вообще будете работать ближайшие годы. Лаборанты подготовили для нас демонстрационный материал.

Он повернулся к центральному столу.

— Это тело мужчины, скончавшегося около месяца назад. В документах указана хроническая сердечная недостаточность. Материал прошел стандартную фиксацию формалинсодержащим раствором.

Два лаборанта легким движением сдернули серую клеенку.

Первокурсники дружно отшатнулись.

На стальном столе лежало серовато-желтое человеческое тело с раскрытой грудной клеткой и брюшной полостью. Органы были обнажены, сосуды подкрашены специальным латексным составом: артерии — красным, вены — синим.

У одной из студенток тут же подкосились ноги, и она глухо осела на пол. Ее быстро подхватили и вывели в коридор.

Кирилл Токарев стоял в первом ряду, демонстративно скрестив руки на груди, стремясь показать абсолютное хладнокровие. Но Артем «слышал», как бешено колотилось сердце парня — за сотню ударов в минуту.

Похоже, сын декана больше всего боялся показаться слабым.

Савельев начал демонстрацию, указывая длинным металлическим зондом на топографию органов грудной клетки:

— Обратите внимание на сердце. Оно увеличено, стенка левого желудочка выражено утолщена. Легкие отечны, полнокровны. Картина вполне соответствует длительной сердечно-сосудистой патологии и хронической сердечной недостаточности, указанной в документах.

В этот момент Артем Вознесенский сфокусировал внутренний слух на лежащем перед ними теле.

Конечно, мертвый организм не издавал звуков живого человека — здесь не было пульсации, дыхания или перистальтики. Но синестезия Артема улавливала структурную акустику тканей. Разные органы, зафиксированные формалином, по-разному отражали фоновый шум помещения.

Печень отзывалась глухим, бархатным рокотом, легкие — сухим, пористым шелестом.

И вдруг в глубине верхнего этажа брюшной полости Артем «услышал» странный, чужеродный акустический провал.

В области головки поджелудочной железы, рядом с двенадцатиперстной кишкой и воротной веной, его внутреннее эхо наткнулось на жесткую, каменистую структуру, которая давала резкий, дребезжащий отзвук, похожий на треснувшее стекло.

Артем нахмурился.

Он внимательнее прислушался к этой зоне. Визуально все выглядело почти обычно — сероватые анатомические структуры, измененные фиксирующим раствором.

— Доцент Савельев, извините, — негромко произнес Артем, делая шаг вперед.

Вся группа, включая Кирилла, повернулась к нему.

— Да, Вознесенский? — Савельев поднял взгляд. — У вас вопрос?

— Нет. Обратите внимание на область головки поджелудочной железы, ретродуоденальный отдел общего желчного протока и воротную вену. Там что-то не так.

Кирилл Токарев громко и презрительно фыркнул:

— Вознесенский, ты снова за свое? Решил перед доцентом выслужиться? Тебе же ясно сказали: в документах хроническая сердечная недостаточность. Тело готовили профессиональные лаборанты кафедры. Ты что, видишь сквозь ткани?

— Помолчите, Токарев, — резко осадил его Савельев, а затем внимательно посмотрел на Артема. — Что именно вы там видите... или, точнее, предполагаете?

— Плотность тканей в области головки поджелудочной железы изменена, — четко ответил Артем. — Там выраженное уплотнение. Консистенция слишком неоднородная для обычной фиксации. Похоже на опухолевый узел.

Савельев прищурился.

— Продолжайте.

— Возможно, опухоль головки поджелудочной железы. Если она сдавила воротную вену или проросла в неё, мог развиваться тромбоз. Отсюда портальная гипертензия и нарастающий асцит, усугубивший сердечную недостаточность.

Савельев на секунду задумался.

Сопутствующая патология вполне могла отсутствовать в документах, если ее не диагностировали при жизни.

Доцент взял пинцет и скальпель.

Он осторожно раздвинул петли кишечника и углубился в зону, указанную Артемом. Студенты вытянули шеи. Даже Кирилл подался вперед, затаив дыхание.

Савельев сделал аккуратный надрез в области головки поджелудочной железы.

Лезвие вошло в ткань с неожиданным сопротивлением.

Доцент пинцетом развел края разреза.

Внутри обнаружился плотный, белесоватый, бугристый узел, глубоко ухидивший в окружающие ткани.

Савельев замер.

Затем осторожно продолжил препарирование в сторону воротной вены.

В ее просвете обнаружился плотный организованный тромб. Латексная масса этот участок практически не заполнила.

— Невероятно... — тихо произнес Савельев, опуская скальпель.

— Здесь действительно опухолевый узел. И вовлечение воротной вены. Характер образования без гистологии я вам не назову, но это серьезная патология, которой в документах нет.

Он поднял глаза на Артема.

— Парень, но как? Как ты это определил? Узел лежал глубоко, за двенадцатиперстной кишкой. При обычном осмотре его не видно без препарирования.

— Я... обратил внимание на изменение конфигурации двенадцатиперстной кишки и головки железы, — быстро ответил Артем. — На натяжение окружающих тканей.

Он прекрасно понимал: рассказывать про «эхолот» в голове пока нельзя.

Сочтут сумасшедшим.

Савельев несколько секунд молча смотрел на него.

— Это потрясающая анатомическая интуиция, — наконец произнес он. — Настоящий диагностический взгляд. Я сегодня же расскажу профессору Кольцову. Этот случай достоин обсуждения на заседании студенческого научного общества.

Алина смотрела на Артема круглыми от изумления глазами. В ее «сердечной мелодии» сейчас звучали такие высокие, восторженные ноты, что у Артема на секунду потеплело в груди.

Кирилл Токарев стоял рядом, стиснув зубы.

Его попытка высмеять «деревенщину» с треском провалилась. Более того, Артем снова оказался в центре внимания, заработав авторитет у преподавателя в первый же день учебы.

— Ты думаешь, ты самый умный, Вознесенский? — тихо процедил Кирилл, когда группа после занятия начала расходиться по раздевалкам. — Угадал один раз, угадал второй... Посмотрим, как ты запоешь, когда начнется остеология и зубрежка каналов височной кости. Там твоя «интуиция» не поможет.

Артем остановился у двери.

— И вообще, — добавил Кирилл с кривой усмешкой, — ты сегодня в общежитие заселяешься, да?

Артем медленно повернулся.

— А что?

— Ничего. Увидишь вечером.

Теперь в голосе Кирилла звучала уже не просто злость. Артем уловил торжествующее возбуждение, а сердце парня забилося заметно быстрее.

Похоже, Токарев что-то задумал.

И это явно было связано с общежитием.

— Каналы височной кости я сдам, Токарев, — спокойно ответил Артем. — А вот тебе я бы порекомендовал сделать Эхо-КГ. Твой митральный клапан сегодня щелкает особенно отчетливо. Пей поменьше энергетиков.

Артем повернулся и пошел к выходу, оставив Кирилла стоять с открытым от изумления ртом.

Глава 4: Общежитный быт и первая ловушка

Общежитие №3 Первого меда на Большой Монетной встретило Артема глухим, монотонным гулом старого здания. Это был настоящий плавильный котел, где в тесных комнатах уживались будущие хирурги, гинекологи и стоматологи со всех уголков страны. Здесь пахло жареной картошкой, старыми учебниками, дешевым стиральным порошком и неизменным формолом, который студенты приносили на своей одежде из анатомического корпуса.

Артему досталась комната №412 на четвертом этаже. Деревянная дверь с облупившейся краской, три прогибающиеся кровати, колченогий стол в центре и огромное окно, из которого немилосердно дуло питерской сыростью.

Его соседями оказались двое парней: рассудительный, полноватый Игорь со стоматологического факультета и вечно взъерошенный Олег, поступивший на педиатрию.

Для синестетического «сонара» Артема общежитие стало настоящим испытанием.

Стены были тонкими, и по ночам здание буквально разговаривало с ним. Он слышал, как за стеной справа кто-то судорожно, со свистом выдыхает воздух, зазубривая латинские термины. Слева доносился тяжелый, прерывистый храп с короткими паузами, подозрительно похожими на эпизоды обструктивного апноэ.

Мозг Артема часами раскладывал эти шумы на анатомические составляющие, прежде чем ему удавалось провалиться в глубокий, тревожный сон.

Главной проблемой Артема стали деньги.

Стипендия была крошечной, а присылаемые матерью скромные сбережения таяли на глазах. Продукты в Питере стоили дорого, а список необходимых для учебы вещей рос каждый день.

На кафедре анатомии уже предупредили: в четверг пройдет первый серьезный коллоквиум по остеологии. Нужно было знать каждую поверхность, борозду, отверстие и отросток так, чтобы узнавать кость практически на ощупь.

Многие первокурсники покупали у старшекурсников учебные наборы и качественные анатомические муляжи, чтобы заниматься в общежитии.

Артем позволить себе такого не мог.

Ему помог старый лаборант из анатомички Николай Иванович, запомнивший феноменальный случай на первом занятии. Он разрешил Артему задерживаться после основных занятий в учебном музее и заниматься с кафедральными препаратами, пока лаборанты готовили аудитории к следующему дню.

Для Артема это оказалось настоящим подарком.

Каждый вечер он часами перебирал кости кисти, стопы, позвонки, длинные трубчатые кости, прощупывая пальцами малейшие шероховатости, борозды и отверстия.

Его синестезия творила чудеса.

Прикасаясь к сухой костной ткани, Артем «слышал» низкий, плотный, вибрирующий гул. Этот гул в его сознании рисовал трехмерные карты: *sulcus nervi radialis* — борозда лучевого нерва — звучала как тонкий, гладкий желоб, а *foramen nutriticum* — питательное отверстие — отзывалось коротким, глубоким басовым щелчком.

Ему не нужно было тупо зубрить.

Он запоминал звуковую архитектуру человеческого скелета.

В четверг, прямо перед важнейшим коллоквиумом по остеологии Артем вернулся в общежитие после тяжелой вечерней смены. Чтобы хоть как-то сводить концы с концами, он устроился санитаром в приемное отделение Мариинской больницы.

Ноги гудели, глаза слипались от усталости.

Войдя в комнату, он сразу почувствовал неладное. Стул стоял на несколько сантиметров в стороне, вещи на столе лежали не под тем углом.

И еще запах. Резкий, дорогой цитрусовый одеколон.

Артем уже чувствовал его совсем близко, когда Кирилл намеренно задел его плечом в анатомическом корпусе.

Токарев?

Артем замер.

Запах был слабым, почти выветрившимся, но ошибиться было невозможно.

Он подошел к своему шкафу и открыл дверцу.

На верхней полке, среди немногочисленных личных вещей и чистых тетрадей, стояла картонная коробка.

Артем нахмурился.

Он точно не оставлял ее здесь.

На боку черной краской был нанесен инвентарный номер кафедры анатомии.

В этот же момент дверь комнаты с грохотом распахнулась.

На пороге стоял комендант общежития Степан Петрович — суровый мужчина с тяжелым взглядом, а за его спиной маячили двое представителей студенческого совета.

— Так, Вознесенский, ничего не трогать, — громко, с металлом в голосе произнес комендант. — Поступил сигнал. С кафедры анатомии пропали учебные препараты. Утверждают, что часть из них находится здесь.

Артём медленно перевёл взгляд на парня, стоявшего слева от коменданта. Для обычного свидетеля его сердце билось слишком часто. Лицо казалось знакомым. Артём уже видел его в компании Кирилла.

Глебов. Точно.

— О чем вы говорите? — спокойно спросил Артем.

— Не прикидывайся шлангом, деревня, — ухмыльнулся Глебов. — Из анатомического корпуса пропал демонстрационный набор костных препаратов. Кирилл видел, как ты постоянно крутился возле лаборантской. Проверьте шкаф, Степан Петрович.

— Я уже открыл его, — сказал Артем.

Глебов посмотрел на верхнюю полку и победоносно оскалился.

— Вот оно.

Комендант подошел ближе.

На полке действительно стояла кафедральная коробка с инвентарным номером.

— Вынос анатомических препаратов из учебного корпуса запрещен, — нахмурился Степан Петрович.

— Я их не выносил.

— Конечно, — фыркнул Глебов. — Они сами сюда пришли. Это уже не просто выговор, Вознесенский. За незаконный вынос анатомических материалов тебя вызовут на дисциплинарную комиссию. А там и до отчисления недалеко.

Артем смотрел на коробку. Его мозг быстро анализировал ситуацию. Еще несколько часов назад ее здесь не было. Игорь и Олег сейчас находились на занятиях.

Значит, кто-то вошел в комнату в отсутствие всех троих и поставил коробку в его шкаф. Кто-то, пахнувший тем же одеколоном, что Кирилл Токарев.

Артем сделал шаг вперед.

— Не трогайте коробку.

— Еще и командовать будешь? — усмехнулся Глебов.

— Если вы действительно утверждаете, что ее украли, тем более не трогайте.

Улыбка на лице Глебова едва заметно дрогнула. Артем повернулся к коменданту.

— Степан Петрович, кто сегодня открывал комнату №412 запасным ключом?

Комендант нахмурился.

— Никто. По крайней мере я ключ никому не выдавал

— Есть журнал?

— Есть.

— Хорошо. Тогда нужно проверить записи.

Глебов раздраженно фыркнул:

— Да какая разница, кто открывал комнату?

— Огромная.

Артем приблизился к нему на шаг.

— Я сегодня ушел из комнаты утром. На кафедре занимался с препаратами только в учебном музее, в присутствии Николая Ивановича. Из корпуса ничего не выносил. Он это подтвердит.

Пульс Глебова ускорился.

— Кто-то проник в комнату и положил кафедральную коробку в мой шкаф, — продолжил Артем. — Если вы хотите официального разбирательства, я только за.

— Чего?

— Вызываем полицию. Коробку никто больше не трогает. С нее снимают отпечатки. С ручки шкафа тоже. Проверим журнал выдачи запасных ключей и спросим соседей, кто сегодня ходил по этажу.

Глебов перестал улыбаться.

— Ты совсем идиот? Какая полиция?

— Обычная.

Артем внимательно смотрел на него.

Сердце третьекурсника колотилось так, будто тот только что поднялся бегом на четвертый этаж.

— Заодно проверим, все ли мои вещи на месте.

Он открыл тумбочку, несколько секунд молча перебирал лежавшие там бумаги, а затем посмотрел на Глебова.

— Здесь лежали деньги.

Глебов побледнел.

— Да кому нужны твои копейки?

Артем не отвел взгляда.

— А я разве сказал, что они пропали?

На несколько секунд в комнате стало совершенно тихо.

Лицо Глебова вытянулось.

Артем блефовал.

Никаких денег в тумбочке не было.

— Ты... ты что несешь? — пробормотал тот, отступая на полшага. — При чем здесь вообще деньги?

Степан Петрович медленно повернул голову к нему.

До этого комендант смотрел на коробку.

Теперь — только на Глебова.

И ему явно не понравилось то, что он увидел.

— Так, — хмуро произнес он. — Глебов, выйди в коридор.

— Да вы чего? Коробку же у него нашли! При чем здесь я?

— Я сказал — выйди.

— Но...

— Живо.

Глебов сжал зубы и направился к двери.

На пороге он обернулся:

— Вы еще пожалеете, что поверили этому деревенскому ублюдку.

— Глебов!

Тот выскочил в коридор.

Степан Петрович дождался, пока шаги стихнут, и снова посмотрел на Артема.

— Значит, говоришь, Николай Иванович подтвердит, что ты ничего не выносил?

— Подтвердит.

— Утром вместе отнесём коробку на кафедру. До тех пор она останется у меня. И больше не вздумай трогать её голыми руками.

— Я вообще к ней не прикасался.

— Умник, — хмыкнул комендант, забирая коробку. — И ещё, Вознесенский: запирай дверь, даже если выходишь на пять минут. Заметишь здесь постороннего — сразу сообщи на вахту.

Артем кивнул.

Степан Петрович уже собирался выйти, но задержался в дверях.

— И с Токаревым поосторожнее.

Артем поднял взгляд.

— При чем здесь Токарев?

Комендант несколько секунд смотрел на него.

— Потому что за последние два дня я уже третий раз слышу эту фамилию рядом с твоей.

Степан Петрович вышел. Артём запер дверь и устало прислонился к ней спиной. Гул шагов и голосов в коридоре постепенно стих. Остался только привычный шум дождя за окном.

Ловушка не сработала.

Но теперь Артём не сомневался: Кирилл не остановится.

А завтра был коллоквиум по остеологии.

Глава 5: Ночной вызов на Витебском

К концу первой недели обучения Артем Вознесенский окончательно превратился в ночного призрака Петроградской стороны. График, который он сам себе навязал, стер бы в порошок любого другого первокурсника: до четырех часов дня — изнуряющие пары, латынь, бесконечные зарисовки клеток крови в практикуме по гистологии и препарирование на кафедре анатомии. Затем — три часа тревожного сна в гулкой комнате общежития на Большой Монетной под заунывный аккомпанемент питерского дождя.

А в восемь вечера начиналась его смена в качестве санитаря.

В ту ночь Артема поставили в помощь линейной бригаде скорой, временно дежурившей у Витебского вокзала — старейшего и красивейшего вокзала города, чьи высокие арочные своды из металла и стекла по ночам выглядели особенно монументально и зловеще.

Белый халат сменился жесткой синей курткой. В обязанности Артема входило таскать тяжелые носилки, помогать с переноской пациентов, приводить в порядок салон машины и, главное, не путаться под ногами у фельдшера.

Около двух часов ночи, когда вокзальная площадь почти опустела, а над путями повис ледяной, пронизывающий туман, Артем вышел из дежурки, чтобы глотнуть горького, дешевого кофе из автомата. Сырой воздух пах дегтем, мокрым железом и гарью — вечными спутниками железной дороги.

Артем стоял под огромными часами в центральном вестибюле, когда его акустико-анатомическая синестезия, притупленная усталостью, внезапно взорвалась диким, паническим аккордом.

Звук пришел откуда-то из глубины дальнего перрона, где стоял полупустой пригородный поезд.

Внутренний «сонар» Артема уловил резкую, рваную пульсацию — глухой удар человеческого тела о бетон, свистящий выдох, а следом нечто гораздо страшнее.

Сбитое дыхание, резкое падение наполнения пульса и тот самый удушающий акустический рисунок, который он уже не мог спутать ни с чем.

Тяжелая травма грудной клетки.

Артем бросил пластиковый стаканчик прямо на гранитный пол и, не раздумывая, рванул в темноту перрона, на ходу вытаскивая из кармана куртки медицинский фонарик.

— Эй, Вознесенский, ты куда?! — крикнул ему вдогонку сонный фельдшер Михалыч, высунувшись из дежурки.

Но Артем уже бежал.

На тупиковом пути, возле багажного вагона, в полумраке он увидел два силуэта.

Один мужчина сидел, забившись почти под вагон, судорожно сжимая в руке окровавленный кусок арматуры.

Второй лежал на боку. Из-под его куртки расползлось темное пятно.

Вокруг валялись пластиковые стаканы, пакеты и разбитые бутылки.

Похоже, пьяная драка.

— Назад... отойди... — прохрипел тот, что сидел под вагоном, угрожающе приподнимая железный штырь.

Его сердце колотилось бешено и неровно. Судя по всему, сказывались алкоголь, паника и запредельный выброс адреналина.

— Бросил железку! — рявкнул Артем. — Руки на виду!

Мужчина дернулся.

— Я сказал, бросил!

Артём произнёс это тем жёстким, не допускающим возражений тоном, каким врачи отдают команды в критическую минуту. Нападавший разжал пальцы. Арматура со звоном ударилась о бетон.

Артем мгновенно переключился на раненого. Он опустился рядом с пострадавшим.

Мужчине было около тридцати пяти. Лицо мертвенно-бледное, губы синюшные, дыхание частое и поверхностное. Пульс едва наполнялся.

Звуковая картина была катастрофической.

Справа дыхание почти исчезло. Каждый новый вдох делал внутренний гул тяжелее и плотнее. Воздух продолжал накапливаться в плевральной полости, сдавливая легкое и мешая возврату крови к сердцу.

«Напряженный пневмоторакс».

Сердце раненого выстукивало предсмертную дробь — около ста сорока ударов в минуту, и каждый следующий удар казался слабее предыдущего.

Ждать было нельзя.

— Артем! Что тут?!

На перрон наконец выбежал Михалыч, тяжело дыша и гремя укладкой.

— Проникающая травма груди. Справа напряженный пневмоторакс! Ему нужна декомпрессия, срочно!

Михалыч упал рядом с пострадавшим, быстро осмотрел рану, прислушиваясь к дыханию.

— Черт... Справа почти не дышит. Реанимационную бригаду я уже вызвал.

Артем вслушался. Удушающий гул продолжал нарастать.

— Не дотянет. Самый длинный ангиокатетер. Быстро! — скомандовал Артем.

— Ты санитар, парень!

— Катетер, Михалыч! Сейчас!

Фельдшер еще секунду колебался, потом резко выдернул упаковку из укладки и протянул Артему.

— Черт с тобой.

Артем разорвал упаковку.

В голове бушевал оглушительный акустический шторм. Но сквозь него синестезия уже выстроила пространственную карту грудной клетки: рёбра, межрёберные промежутки, спавшееся правое лёгкое и воздух, распиравший плевральную полость изнутри.

Артём выбрал точку для экстренной декомпрессии, нащупал нужное межреберье и прижал острие иглы и резким движением проколол кожу, подкожную клетчатку и межрёберные мышцы.

Соппротивление внезапно исчезло. Из катетера с громким шипением вырвался воздух:

— Пш-ш-ш-ш!

Михалыч замер.

Артем придерживал катетер, не сводя глаз с пострадавшего.

Удушающий барабанный гул в его голове начал слабеть, давление уходило.

— Есть выход воздуха, — выдохнул Михалыч.

Он быстро подключил монитор и наложил кислородную маску.

Артем продолжал слушать.

Сто сорок.

Сто тридцать пять.

Сто двадцать восемь.

Пульс все еще был частым, но становился заметно полнее. Мужчина вдруг судорожно втянул воздух и закашлялся.

— Дышит... — тихо произнес Михалыч.

Потом посмотрел на Артема.

— Твою мать, Вознесенский.

Через несколько минут на перрон примчалась специализированная реанимационная бригада.

Врач-реаниматолог, солидный мужчина с усталыми глазами, быстро оценил пациента, посмотрел на монитор, затем на установленный катетер.

— Кто декомпрессию сделал?

Михалыч кивнул на Артема.

— Он.

Врач посмотрел на синюю куртку санитаря.

— Он — это кто?

— Вознесенский. Первокурсник из Первого меда.

Врач медленно поднял брови.

— Первокурсник?

— Долго объяснять.

Реаниматолог снова занялся пострадавшим.

— Давление?

Михалыч назвал цифры.

— Готовим к транспортировке. В машине поставим полноценный плевральный дренаж.

Только после этого врач посмотрел на Артема.

— Как фамилия?

— Вознесенский. Артем Вознесенский.

На следующий день история о первокурснике-санитаре, который ночью распознал напряженный пневмоторакс на Витебском вокзале и не дал раненому умереть до приезда реанимационной бригады, уже гуляла по студенческим чатам.

Каждый пересказывал эту историю по-своему. В одной версии Артем вскрыл человеку грудную клетку перочинным ножом прямо на платформе. В другой — провел какую-то невероятную операцию чуть ли не шариковой ручкой. Сам Артем обо всем этом не знал. О том, что он стал героем студенческих баек, ему перед лекцией рассказала Алина.

— Ты вообще слышал, что про тебя говорят? — спросила она, едва увидев его в коридоре.

— Нет. А что?

Алина пересказала ему несколько наиболее безумных версий. Артем сначала недоверчиво нахмурился, потом только качал головой.

— Шариковой ручкой?

— Проводнику электрички, — совершенно серьезно подтвердила она, но тут же не выдержала и рассмеялась, а потом неожиданно шагнула вперед и крепко обняла.

Порыв вышел настолько внезапным, что, едва осознав собственный поступок, она сразу отстранилась.

— Ты ненормальный, — тихо сказала она.

— Почему?

— Первый курс идет всего неделю, Артем. А ты уже второй раз вытаскиваешь человека с того света.

Артем хотел отшутиться, но в этот момент услышал, как сердце Алины забилося быстрее. Знакомый хрустальный звон на несколько мгновений почти перекрыл для него остальные звуки коридора.

Он невольно улыбнулся и только тогда заметил Кирилла, который стоял в нескольких метрах от них и молча смотрел на Алину. На его скулах ходили желваки. Кирилл развернулся и пошел прочь, но Артем отчетливо слышал, как резко ускорилося его сердцебиение.

Очередной медицинский успех Вознесенского он, возможно, еще смог бы проглотить.

А вот Алину, обнимающую Артема, — уже нет.

Глава 6: Латынь — язык мертвых

Вторая неделя обучения в Первом меде принесла с собой понимание простого факта: время здесь течет с утроенной скоростью. Слава «санитара с шариковой ручкой», безусловно, заставила сокурсников шептаться за спиной Артема с уважением, но преподаватели старой закалки лишь плотнее сжимали губы. В ПСПбГМУ им. Павлова считалось, что ранняя практика без фундаментальной теоретической базы — это опасное дилетантство.

Остеологический практикум превратился в круглосуточный кошмар для большинства первокурсников. Кафедра нормальной анатомии требовала не просто знать кости, а видеть их в трехмерном пространстве, безошибочно определяя на ощупь каждый бугорок, борозду и микроскопическое отверстие для прохождения сосудов и нервов.

Но главным барьером, о который разбивались амбиции вчерашних школьников, стала латынь. Каждое утро начиналось в узкой аудитории кафедры иностранных языков и медицинской терминологии, где Элеонора Марковна Гросс, заложив руки за спину, медленно прохаживалась между рядами. Ее сухой, пергаментный голос, трансформируемый синестезией Артема в шуршание старых, ломких страниц, безжалостно отсчитывал жертв.

— Студентка Воронова, — Элеонора Марковна остановилась возле бледной девушки. — Поставьте словосочетание «глубокий длинный отросток» в форму родительного падежа множественного числа.

Девушка судорожно сглотнула. Ее сердце забило в паническом, рваном ритме — словно дождь забарабанил по жестяной крыше.

— *Processus... processī... нет, processuum...*

— Дальше.

— *Longorum... profundorum.*

Элеонора Марковна выдержала короткую паузу.

— Два, Воронова. На пересдачу в субботу, — холодно отрезала Гросс. — Язык медицины не терпит приблизительности. Сегодня вы путаете окончания в аудитории, завтра неправильно оформите медицинский термин или рецепт. Привыкайте к точности с первого курса. Помните: *Non scholae, sed vitae discimus*. Мы учимся не для школы, а для жизни.

Артём сидел на третьей парте, подперев подбородок рукой. Латынь давалась ему легче, чем большинству одноклассников. Выученные анатомические термины не оставались для него безликим набором звуков: за каждым вставал объёмный образ мышцы, сосуда, кости или органа. Однако окончания, склонения и исключения приходилось зубрить, как и всем остальным.

— Вознесенский, — Элеонора Марковна повернулась к нему. — Раз уж вы так блестяще проявили себя на собеседовании, проверим, как вы усвоили клиническую терминологию. Переведите на латынь: «Острое гнойное воспаление глубоких лимфатических узлов шеи».

Артём поднялся. Перед внутренним взглядом возникла шея в разрезе: цепочка увеличенных лимфатических узлов, скрытых под мышцами и окружённых воспалёнными тканями. Образ потянул за собой выученные латинские термины. Оставалось лишь поставить их в нужные формы.

— *Lymphadenitis purulenta acuta nodorum lymphaticorum cervicalium profundorum*, — без запинки произнёс он.

Элеонора Марковна пристально посмотрела на него через очки, удовлетворенно кивнув:

— Безукоризненно, Вознесенский. Садитесь. Если бы все врачи так знали язык мёртвых, у живых было бы больше шансов.

Сзади раздался тихий, свистящий выдох Кирилла Токарева. В синестетическом восприятии Артема голос Кирилла всегда оставлял липкий, маслянистый след, похожий на запах прогорклого жира. Токарев-младший с трудом удерживался на тройках по латыни, несмотря на то, что отец нанял ему лучшего репетитора из числа аспирантов кафедры. Нарастающий триумф Артема действовал на Кирилла как открытый огонь на сухой порох.

После провала подставы в общежитии Кирилл на несколько дней притих. Артем не обольщался: вряд ли Токарев так легко оставил его в покое.

В пятницу, во время большого перерыва между лекцией по гистологии и практикумом по анатомии, Артем ненадолго оставил свой рюкзак в студенческой раздевалке, уйдя в библиотеку за дополнительными методичками. Этого времени кому-то хватило с избытком.

Когда Артем вернулся и взял рюкзак, его «сонар» мгновенно забил тревогу. Пространственная геометрия его личных вещей была нарушена. Молния бокового кармана была открыта на несколько сантиметров, хотя Артем прекрасно помнил, как оставлял ее закрытой до конца. Внутри находился посторонний предмет — небольшая пластиковая баночка, содержимое которой едва слышно перекатывалось при движении.

Артем нахмурился. Он точно знал, что ничего подобного туда не клал, но открывать карман в раздевалке не стал.

Через несколько минут он вошел в Анатомический корпус, где группа уже собиралась у практикума Савельева. Возле двери, помимо доцента, неожиданно стояли двое представителей службы безопасности университета и заместитель декана по воспитательной работе Николай Петрович.

— Группа 102, стоять на месте, — громко объявил замдекана, когда студенты подошли к дверям. — Из лаборатории кафедры фармакологии вчера вечером была зафиксирована пропажа подотчетного препарата строгого учета, используемого для научных исследований. Нам стало известно о возможном употреблении этого препарата одним из студентов первого курса в качестве стимулятора.

Студенты испуганно переглянулись. Кирилл Токарев стоял чуть в стороне. В уголках его губ пряталась едва заметная улыбка, а сердце билось слишком часто для человека, которого происходящее не касалось.

— В рамках внутреннего разбирательства мы просим вас предъявить личные вещи, — продолжил замдекана, остановив тяжёлый взгляд на Артёме. — Вознесенский, начнём с вас. Положите рюкзак на стол лаборанта и откройте все отделения и карманы.

Алина резко побледнела. Её взгляд метнулся к Кириллу, затем вернулся к Артему. Значит, ей пришла в голову та же мысль.

Артем оставался удивительно спокоен. В минуты опасности страх отступал, уступая место предельной сосредоточенности.

— Конечно, — ответил Артем, делая шаг к столу. — Но перед тем, как я открою рюкзак, я хочу сделать официальное заявление под протокол и запись на камеру, которая сейчас работает у сотрудника безопасности.

Замдекана нахмурился:

— Какое еще заявление, Вознесенский? Открывайте рюкзак.

— Дело в том, — Артем обвел взглядом присутствующих, зафиксировав, как у Глебова, стоявшего за спиной Кирилла, судорожно дернулось веко, — что тридцать минут назад, вернувшись из библиотеки, я обнаружил, что молния бокового кармана моего рюкзака сдвинута. Внутри находится посторонний предмет, которого раньше не было. Я к нему не прикасался. Предполагаю, что это именно тот препарат, о котором вы говорите.

— Ха! Вот он и признался! — не выдержал Кирилл, сделав шаг вперед. — Он сам понимает, что попался, и теперь пытается разыграть карту с подбросом! Кто поверит подобной чуши?

Артем повернул к нему голову.

— Проверка.

— Что?

— Поверит проверка, Токарев.

Ухмылка Кирилла дрогнула.

Артем снова посмотрел на Николая Петровича:

— Я прошу сотрудника безопасности достать этот предмет, используя одноразовые перчатки. На пластиковом флаконе не должно быть моих отпечатков пальцев — я к нему не прикасался. Если человек, который положил его туда, был без перчаток, на поверхности могли остаться потожировые следы. Если речь действительно идет о пропаже препарата строгого учета, вызываем полицию и передаем им предмет в том виде, в котором он найден. Пусть фиксируют следы, проверяют камеры и устанавливают, кто имел доступ к раздевалке.

Глебов сглотнул. Его сердце резко ускорилося.

— Это уже не обычная студенческая дисциплинарка, — продолжил Артем. — Если препарат похитили и намеренно подбросили другому студенту, этим должны заниматься правоохранительные органы.

— Да что ты несешь?! — сорвался Глебов. — Какая еще полиция?

Артем медленно перевел взгляд на него.

— Странная реакция, Глебов. Я ведь тебя не обвинял.

Глебов осекся.

В коридоре повисла оглушительная тишина. Доцент Савельев, до этого молча наблюдавший за происходящим, сделал шаг вперед:

— Николай Петрович, Вознесенский прав. Пропажа препарата строгого учёта — не повод для самостоятельности. Если вы считаете сообщение серьёзным, необходимо составить акт и обратиться в полицию, а не устраивать публичную проверку студентов в коридоре.

Замдекана поджал губы.

— Я всего лишь хотел разобраться без лишнего шума.

— Тогда давайте разберемся, — спокойно ответил Савельев. — Как положено.

Артем краем глаза наблюдал за Глебовым. Тот уже не выглядел торжествующим и несколько раз покосился на Кирилла, словно ожидая подсказки. Сам Токарев-младший молчал — похоже, уверенности у него тоже поубавилось.

Николай Петрович переглянулся с сотрудником службы безопасности. Перспектива выносить скандал за стены университета ему явно не понравилась.

— Гм... Ну, полиция — это, пожалуй, крайние меры, — произнес замдекана, поправляя галстук. — Рюкзак пока не открываем. Отнесем его в помещение службы безопасности и проверим записи с камер. Если подтвердится, что речь действительно идет о пропавшем препарате, будем действовать официально.

— Прекрасно, — сказал Артем.

Кирилл резко повернул к нему голову.

— Что «прекрасно»?

— Я как раз хочу узнать, кто лазил в моих вещах.

Сотрудник безопасности забрал рюкзак.

— Практическое занятие начнется без Вознесенского, — сказал Николай Петрович. — Остальным пройти в аудиторию.

— Я останусь, — неожиданно произнес Савельев. — Это мой студент.

Замдекана бросил на него недовольный взгляд, но спорить не стал.

Кирилл уже собирался пройти мимо, когда Артём тихо окликнул его:

— Токарев.

Тот остановился. Артём подошёл ближе и понизил голос, чтобы остальные не услышали:

— В следующий раз, когда решишь кого-нибудь подставить, сначала подумай, что будешь делать, если план сорвётся.

— Ты вообще о чём? Я здесь ни при чём.

Артём прислушался. Сердце Кирилла колотилось быстро и тяжело.

— Сто двадцать ударов в минуту, — негромко произнёс он. — Для человека, которому нечего скрывать, ты боишься слишком громко.

На лице Кирилла мелькнула растерянность.

— Пошёл ты.

Он резко развернулся и вошёл в аудиторию.

Через несколько минут один из сотрудников безопасности вернулся после первого просмотра записей. На камере коридора было видно, как во время большого перерыва Глебов заходил в раздевалку, хотя занятий у его курса в этом корпусе в тот момент не было.

Этого пока было недостаточно, чтобы доказать подброс, но достаточно, чтобы история перестала выглядеть как случайная находка запрещенного препарата у Вознесенского.

Николай Петрович заметно помрачнел.

— Рюкзак остается у службы безопасности до выяснения обстоятельств. Карман вскроем официально, с фиксацией. Вознесенский, идите на занятие.

Когда Артем вошел в практикум, большая часть группы уже сидела за столами. Алина оставила рядом с собой свободное место.

Он сел.

— Ну? — шепнула она.

— На камере засветился Глебов.

Алина медленно выдохнула.

— Я так и думала.

— Что именно?

— Что это они.

Артём хотел ответить, но под столом Алина на секунду сжала его пальцы. Знакомый хрустальный ритм её сердца сразу выделился среди десятков других.

Артём посмотрел на неё. Алина уже склонилась над тетрадью, даже не подозревая, что мимолётным прикосновением заставила его сердце сбиться с ритма.

На другом конце аудитории Кирилл сидел, не поднимая глаз.

Вторая ловушка оказалась опаснее первой. Артем снова отбил удар, но понимал: следующую подставу Кирилл подготовит гораздо тщательнее.

Но думать о следующей подставе было некогда. Впереди был зимний зачёт по анатомии. И впервые Артём боялся не чужой подставы, а того, что собственный дар его подведёт.

Глава 7: Синдром разбитого зеркала

Октябрь в Санкт-Петербурге окончательно смыл остатки тепла, оставив после себя пронизывающие ветра с Финского залива и бесконечную череду холодных дождей. На Большой Монетной и улице Льва Толстого мокрый асфальт блестел под тускло-жёлтыми фонарями, а в глубоких лужах расплывались неоновые вывески круглосуточных аптек.

За этот месяц простое студенческое товарищество незаметно превратилось в хрупкую близость. Каждое прикосновение уже что-то значило, но заговорить об этом вслух оба ещё боялись. Они стали практически неразлучны. В то время как другие первокурсники искали легких развлечений в редкие свободные часы, эти двое проводили вечера в читальном зале фундаментальной библиотеки Первого меда. Под высокими зелеными лампами, среди шороха старых страниц и запаха пожелтевшей бумаги, они вместе штурмовали бесконечные объемы миологии и артрологии.

Для Артёма Алина была единственным человеком в огромном грохочущем городе, рядом с которым «сонар» переставал причинять боль. Не потому, что чужие сердца внезапно замолкали. Просто её ровный, чистый ритм становился для него точкой опоры. Когда Алина сидела рядом и перелистывала атлас Синельникова, Артём вслушивался в знакомый хрустальный звук и хаос чужих сердцебиений отступал. Оставалась только её мелодия.

— Артем, посмотри на эту связку, — Алина тихо постучала тонким пальцем по цветной схеме коленного сустава. — *Ligamentum cruciatum anterius*. Я никак не могу запомнить точки ее прикрепления. У меня на зачете все латинские термины в голове путаются.

Артем мягко улыбнулся. Он протянул руку и аккуратно коснулся пальцами ее ладони, перевернув ее тыльной стороной вверх. На запястье отчетливо пульсировала лучевая артерия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.